

Павел Рафаилович Сутин

9 дней

Роман

серия "Самое время!"

Вскрыв запароленные файлы в лэптопе погибшего друга, герои романа переживают ощущения, которые можно обозначить, как «world turned upside down». Мир персонажей переворачивается с ног на голову, они видят абсолютно достоверные документы, фотографии и видеозаписи, демонстрирующие трагичные повороты их судеб, – притом, что ни одно событие, отраженное в этих файлах, никогда не происходило. Этот роман – не научная фантастика, не метафизические изыски и не детектив. Это излюбленный жанр автора, который в американской литературе некогда был назван «true story which never happened» – совершенно правдивая история, которая в принципе не могла случиться.

*Я писал сказку ваших дней,
Горечь правды испив сперва.*

Киплинг

Ты мне говоришь, что у нас было замечательное и прекрасное прошлое, а я тебе говорю: если у нас было такое замечательное, прекрасное прошлое, то откуда, черт подери, взялось это совсем не замечательное и не прекрасное настоящее?

Роберт Пенн Уоррен, «Вся королевская рать»

День первый

В половине девятого по волнистой, в глубоких трещинах, асфальтированной дорожке, между кряжистых вязов проехал новенький ПАЗ с табличкой «Ритуальный». Начинался больничный день, в административный корпус сходились старшие сестры со стопками историй болезни, через полчаса у морга предстояло выстроиться веренице таких ПАЗов. В патанатомии повизгивали по мелкой желтой плитке колесики каталок, цокали женские каблуки, в коридоре курил хлыщеватый молодой санитар с пирсингом. Накрашенная медсестра открыла дверь в ординаторскую и сказала:

— Дмитрий Саныч, ну скоро?

* * *

Браверманн вошел в ординаторскую, сел за стол и кивнул Хлебову, своему старшему ординатору: начинай. Тот доложил семидесятилетнего народного артиста с раком простаты и студентку с опухолью надпочечника, а ординатор второго года — слесаря из Шатуры с гигантской многокамерной кистой левой почки. Браверманн свою операцию перепоручил Хлебову и быстро закончил конференцию, можно сказать, скомкал.

Браверманн заведовал онкоурологией шестой год, докторскую защитил в тридцать четыре, опубликовал две монографии и статей без числа. Был он толстым, низкорослым, облысел еще в институте, не водил машину и не читал беллетристику. Близкие друзья звали его «Бравик», но надо сказать, что при взгляде на его дряблое, обрюзгшее лицо трудно было представить, что у этого человека вообще есть друзья.

Он ушел в кабинет, достал из ящика стола початую пачку «Мальборо» и какое-то время, сопя, смотрел на нее. Его первый шеф сказал ему в восемьдесят восьмом: лучше не кури, я вот двадцать восемь лет курил, а потом стал свое дыхание в лифте слышать — и бросил.

Постучав, вошел Хлебов, спросил осторожно:

— Что-то случилось?

— Я сейчас уеду, у меня срочные дела. К трем вернусь. — Бравик сел и стал, кряхтя, надевать полуботинки. — Ты как составлял график? Почему Голованов идет в третью очередь?

Почему у тебя человека с диабетом подают в операционную в третью очередь?!

График он исправил еще позавчера, и тогда же выговорил Хлебову.

— Голованова первым подают, — сказал Хлебов. — У вас дома что-то?

— Безобразие, безобразие... Больной с диабетом...

— Может, такси вызвать?

— Не надо. — Бравик встал и снял с плечиков пиджак. — Гулидов будет нефрэктомию делать — так ты ему помоги. Я к трем вернусь.

* * *

Молоточки пишущей машинки «Оливетти» мягко отщелкивали:

поступил в 1-е травматологическое отделение ГКБ № 15 в экстренном порядке 13.05.2009

В ординаторскую опять заглянула сестра.

— Дмитрий Саныч!

— Да-да, заканчиваю...

констатирована в 5 ч. 35 мин. При патологоанатомическом исследовании

— Только ваше заключение осталось.

— Не зуди под руку.

разрыв селезенки. Разрыв диафрагмы. Компрессионный перелом второго грудного позвонка, перелом основания черепа

За стеной два санитара уложили в гроб труп в черном полиэтилене.

Патологоанатом выдернул из валика заключение, подписал и протянул сестре.

— Держи.

* * *

Геннадий Валерьевич Сергеев, прозаик, «мастер психологических этюдов», как написали про него когда-то в «Большом городе», вышел за руку с сыном из подъезда. Сергеев в свои сорок два был строен, хоть и немножко подзаплыши плечи и угадывался живот. Лицо у него было

спокойное, солидное, оно и в ранней юности было таким же: голубые глаза чуть навыкате, короткие рыжеватые волосы, большой лоб, залысины, губы, о которых принято говорить «чувственные», и подбородок с желобком. Гена с Васеном опаздывали в садик, с минуты на минуту начиналась зарядка. Васен сегодня прокопался, укладывал в пластиковый пакет аппликацию, над которой вчера корпел до одиннадцати, потом искали чешки, потом выяснилось, что Васен не почистил зубы.

— Пап, в выходные к Никону на дачу поедем? Ты говорил, что поедем.

— Не к Никону, а к «дяде Никону». Не надо фамильярничать со взрослыми.

Васен вытащил ладошку из отцовской руки. Когда подошли к садику, он спросил:

— А Бравик поедет?

Он еще не умел долго обижаться.

— Не Бравик, а «дядя Бравик».

— А Гаривас?

— Зайка, топай быстрее, — сказал Гена, — уже зарядка началась.

* * *

Майор Александр Анатольевич Лобода — мосластый, темноволосый, в прошлом боксер-средневес — был опер потомственный, его отец пришел в угро с фронта, в двадцать три, как Володя Шарапов. Лобода окончил омскую «вышку», работал на земле, в ОБХСС, по карманникам, а последние три года на Петровке. Характер у него был отцовский, прямолинейный, оттого-то, наверное, Лобода до сих пор ходил в майорах.

На Петровке стояла плотная пробка, недалеко от проходной маршрутка притерла «Волгу». Беззвучно переливался бело-красно-фиолетовый фонарь гаишной машины. Инспектор, положив папку на капот, писал протокол. Лобода пошел к Страстному и столкнулся с Карякиным. Тот перехватил кейс в правую руку, посмотрел на часы.

— Ты куда это?

— К-к-константин Андреич, мне отъехать надо, — сказал Лобода. — Вернусь к-к-к обеду.

— У Щукина день рождения, — напомнил Карякин.

— Мы ему б-б-бензопилу купили. — Лобода поискал по карманам сигареты. — Хорошая п-п-пила, шведская... Я к трем б-б-буду.

— В час совещание у Смоковникова. А ты куда?

— На п-п-похороны. — Лобода, вытряхнул сигарету из смятой пачки, зажал в углу рта, стал искать по карманам зажигалку. — К-к-к трем вернусь.

— Родственник? — участливо спросил Карякин и поднес Лободе зажигалку.

— Т-т-товарищ.

— Болен был?

— На м-м-машине разбился.

— Молодой?

— М-м-мой ровесник.

— Сань, ну, я сочувствую... Он сотрудник?

— Н-н-нет.

— Ты поезжай. Я что-нибудь придумаю, если Смоковников спросит. Эх... — Карякин вздохнул. — Мы тут с женой осенью были в Австрии, зашли как-то на кладбище. Католическое кладбище, красивое — мрамор, распятия... Так я обратил внимание: почти всем под девяносто. А у нас, ёкалэмэнэ, на кладбищах сплошная молодежь.

* * *

Владимир Астафьевич Никоненко вел видавшую виды «восьмерку» по Волоколамке. Внешность он имел примечательную: сто девяносто два сантиметра, сто три килограмма, литые плечи, небольшая круглая голова, короткий прямой нос и стальные глаза. Друзья звали его Никон. В восемьдесят пятом, на уборочной, Никон, Гена, Гаривас и Бравик вечером пили вермут «Вишневый» и развлекались, подбирая друг другу описания из трех книжек, которые взяли с собой. Гена посвятил Бравику синдром Кляйнфельтера из справочника по андрологии, Никон зачитал Гаривасу что-то орлиноносое из Купера, Гаривас же раскрыл О. Генри и нашел про Никона такое: «большой, вежливый, опасный, как пулемет».

Зазвонил телефон, Никон сказал:

— Слушаю... Здравствуй... Нет, ты не успеешь, не рви сердце. Тебе сюда десять часов лету. Мы похороним его, а ты там за его память выпей... Ольга-то? Ольга как Ольга. Нормально держится Ольга, без истерик. Витьке сочинили что-то: командировка, работа. На год, короче, папа уехал.

* * *

В приемной редакции журнала «Время и мир» тихо, как обманутый ребенок, плакала щуплая темноволосая секретарша. Вошел Владик Соловьев, замглавного, поставил перед ней стакан с водой, тронул за плечо и сказал:

— Ритуль, попей водички. И поехали, пора.

Он погладил секретаршу по голове и вышел. Зазвонил телефон, девушка вытерла глаза, высыпалась в раскисшую салфетку и подняла трубку.

— Журнал «Время и мир», здравствуйте... Нет, его сегодня не будет. — Она, икнув, всхлипнула. — И завтра не будет.

* * *

Вадим Борисович Колокольцев по прозвищу Худой пробовал перестроиться в правый ряд, чтобы свернуть на Пятницкое шоссе. Вчера утром ему позвонил Бравик и сказал незнакомым голосом: страшная беда у нас, Вовка разбился на машине, умер два часа назад в пятнадцатой больнице. Худой минут десять оцепенело сидел на стуле, у него онемели щеки, он включал и выключал настольную лампу. Потом стал звонить Гене, Никону, кричал в трубку: это не ошибка? а Ольга знает? а Вите сказали? Он выбежал из дома, зачем-то поехал в пятнадцатую больницу, с Волгоградки позвонил Бравику, опять что-то кричал. Бравик оборвал: кончай истерику, и так все с ума сходим, похоронами Никон занимается, прощаться будем в Митинском крематории.

Колокольцев действительно был *худой*: узкоплечий, узколицый. Он был радиоинженером, работал во Фрязине, в «ящике». Еще он был райдером, его хорошо знали в Терсколе, Вербье и Гульмарге.

Внешняя сторона МКАД стояла, Худой кое-как пробрался правым рядом с Ленинградки до Пятницкого шоссе, но теперь ему препрятсвовал съезд синий «Бентли». Худой включил поворотник, попытался перестроиться, «Бентли» подал вперед и не пустил. Худой посигналил, показал рукой: будь человеком, мне на съезд. «Бентли» не шелохнулся. Худой открыл правое окно. У «Бентли» скользнуло вниз тонированное стекло, колко глянул средних лет мужик с жестким лицом и седым ежиком.

— Тут такое дело, — громко сказал Худой, подаввшись окну.

— С этой машиной уже ничего никому не надо доказывать. Уже можно уступать и пропускать.

Мужик шевельнул бровью, скрупо усмехнулся, поднял стекло и пропустил Худого на съезд.

* * *

В ритуальном зале крематория постамент обступили Никон, Бравик, Милютин с женой Юлей, Гена, Владик, Рита, Ольга с родителями. Никон огляделся, узнал Петю Приза из «Большого города», Скальского из «Монитора», Штейнберга из Минпечати. Наособь от остальных стояли пятеро мужчин и две женщины с гвоздиками. Гена шепнул Бравику, что это одноклассники. Было еще человек десять с курса и три приятеля Гариваса по шхельдинскому альплагерю. Никон вдруг понял, что в зале нет Шевелева.

«Черт, – подумал он, – мы ж не позвонили... Все, он не простит».

Полированный гроб был закрыт крышкой, так решил Никон.

«Гроб пусть будет закрыт, – сказал он накануне похоронному агенту. – Там ожоги, гематомы, нос сломан, это никаким грилом не замазать».

«Какой гроб будете заказывать? – спросил агент. – Я так понимаю, что сырую сосну с кумачовой обивкой вы не захотите». Он оказался славным человеком, этот агент, и читал «Время и мир»; когда услышал фамилию покойного, потрясенно ткнул кулаком в лоб.

Строгая крематорская дама скорбно заговорила:

– Друзья, сегодня мы прощаемся с Владимиром Петровичем Гаривасом. Трагедия вырвала из жизни яркого и талантливого человека. Владимир Петрович получил врачебное образование, но оставил медицину и стал высокопрофессиональным журналистом. Он создал и возглавил об щественно-политический журнал «Время и мир» и в течение семнадцати лет бессменно был его главным редактором. Профессиональная деятельность Владимира Гариваса была отмечена признанием коллег и читателей...

– Зачем все это? – угрюмо сказал Никон.

– Потерпи, это ненадолго, – не оборачиваясь, ответил Бравик.

Никон мягко отстранил Бравика и прошел к постаменту.

– Вы извините, пожалуйста, – сказал он даме. – Разрешите.

Дама растерянно отошла, Никон помолчал, потом сказал:

– Спасибо всем, что приехали. Поминки будут у Сергеевых. Проходите, пожалуйста, прощайтесь.

Он шагнул к гробу и ладонью неловко огладил крышку.

* * *

На кухне Сергеевых Марина и Юля Милютина резали буженину и сыр. Из комнаты слышались голоса, шум передвигаемых стульев. Гена с Никоном курили у окна.

— Где Бравик с Лободой? — спросил Никон.

— Скоро подъедут. Им на работу надо было. К шести будут.

— Мне в какой-то момент показалось, что Ольга не поедет.

— Почему?

— Ну, так... Сразу пошла к машине, ни с кем не попрощалась.

— Да, она не хотела. Ее Маринка уговорила.

— Ольге сейчас хуже, чем нам.

— Поди разбери, кому сейчас хуже.

— Ты прикинь: мы-то все вместе. А она одна.

— Вот раз так, то будь с ней потеплее.

— Да, конечно...

Никон бросил окурок в окно.

— Чего мусоришь? — недовольно сказал Гена. — Пепельницы нет?

— Они когда разводились — я ж крайний был.

— Там все крайние были.

— Вы про что? — спросила Марина и подала Юле две плошки с маринованными белыми грибами.

— Это они про Вовкин развод, — сказала Юля и понесла грибы в комнату.

— И Вовка был кругом виноват, и мы тоже, одна Ольга в белой кисее, — сказал Никон.

— Иди налей ей, — сказала Марина.

— Я? — Никон моргнул. — А чего налить?

— Кефиру, — сказала Марина. — Иди, посиди с ней. Просто посиди, поговори.

— Понял, ага... А про что говорить?

— Про Витьку, про машину. Там что-то не так с подвеской. Иди, поговори с ней. Ты же все знаешь про машины.

Никон взял со стола две рюмки, исчезнувшие в его лапище, как наперстки, и вышел.

— Чего вы вдруг про развод вспомнили? — спросила Марина.

— Это Никон вспомнил. — Гена погасил окурок под краном и бросил в мусорное ведро. — Ты ж помнишь, как Ольга себя вела. Позаписывала, блин, нас всех во враги.

Марина посмотрела на часы и сказала:

– Где Лобода? Я ему сказала, чтоб он бородинского купил.

– Звонил минут десять назад. Подхватил Бравика, сейчас стоит в пробке на Люсиновской.

– Это он с гаишниками говорил?

– Да.

– Господи, странно все это... Вовка очень аккуратно водил. Он прекрасно водил, несуетливо, он двадцать лет за рулем. Как же это могло случиться?

– Бывают не только неумехи. Всякое бывает, сама знаешь.

– Ничего я такого не знаю, – сказала Марина.

«Рыло, – подумал Гена, – то самое рыло... Вот оно, всунулось».

Шесть лет назад, на поминках по Тоне Кравцовой, Гаривас до остекления напился. Он напивался редко, до последнего обманчиво сохранял безукоризненную дикцию. Только близкие друзья знали: если у Вовы пошли красными пятнами шея и лицо и каждое утверждение он, сводя брови, подкрепляет низким кивком – значит, не надо уже ни чая, ни такси, а надо застелить раскладушку или кухонный диван. На поминках по Тоне Гаривас сказал Гене: «Беда не предупреждает: мол, буду завтра, в половине восьмого, подстели соломки. Она, мразюка, всовывается в твою жизнь, как подлое, жестокое рыло. Еще вчера не было ничего неприятнее, чем радикулит или машина на штрафстоянке. И вдруг всовывается это рыло. А ты задыхаешься и задавленно воешь, как от пинка по яйцам».

Они пошли в комнату, там за столом сидели Милютин, Юля, Худой, Ольга, Никон, Катя, Бравик и сотрудники Гариваса – Ира Янгайкина, Вацек Романовский, Игорь Гольц. На журнальном столике стояло паспарту, в объектив насмешливо смотрел красивый человек: загорелое лицо, нос с горбинкой, черные курчавые волосы с сильной сединой. Рядом с паспарту стоял стакан водки, накрытый горбушкой. Никон глазами показал Милютину: налей. Тот свернул крышку с бутылки, разлил по рюмкам. Никон разлил на своем конце стола, осторожно встал. Он занимал пространство, в котором поместились бы двое, и всякое движение совершал бережно.

– Ну ладно... – Никон шумно вздохнул. – Лободу с Бравиком ждать не будем. Кто первый скажет?

– Ты встал, ты и говори, – сказал Милютин.

Никон послушно кивнул.

— У меня в голове не укладывается... Невозможно это принять. Совсем невозможно. Я верующим всегда завидовал, ага... У них, когда человек ушел, то это не конец. Сам-то не верю. И Вовка не верил. — Никон поднял рюмку до глаз. — За Вовку, да. За светлую его память.

Все встали, гремя стульями, Худой бедром толкнул стол, опрокинулась бутылка «Посольской», Владик ее подхватил.

— За Вовку, — сказал Гена.

— За Вову Гариваса, — тонко сказал Худой. — Земля ему пухом.

Он прикусил губу, рука с рюмкой затряслась, водка облила пальцы.

— За нашего Володю, — сказала Марина. — За его память. — Она булькнула горлом, веснушчатое лицо исказилось. — Простите... Не могу...

И тут ударили дверной звонок.

— Это Лобода с Бравиком... — Гена стал выбираться из-за стола. — Секунду, я открою. Не пейте пока.

* * *

Юля приоткрыла окно, унесла две переполненные пепельницы. В комнате были Гена, Лобода, Бравик, Милютин, Ольга и Никон. Остальные недавно ушли. Марина с Катей Никоненко сидели на кухне. Катя напилась, ее рвало в туалете, она полоскала рот и опять начинала пить водку. Никон беспокойно заглянул на кухню, Марина махнула рукой: мол, иди, пусты. Гена с Милютиным сидели на диване, смотрели старые фотографии.

— Это где? — спросил Милютин. — Ай-Даниль? Точно, Ай-Даниль...

— Ну, — сказал Гена. — Девяносто второй, сентябрь.

— Девяносто третий, — поправил Милютин. — В девяносто втором он так и не приехал. В девяносто втором, летом, он все уладил с типографией, и в сентябре вышел первый номер «Времени и мира».

— Да, девяносто третий, — сказал Никон. — Мы ему звонили каждый вечер, он все откладывал, а потом сказал, что не приедет. Я ему звонил из автомата на втором этаже, еще за «пятнашки»... А вот тот катамаран. Номер двадцать шесть. Мы его всегда брали.

— Катамаран? — сказал от окна Бравик. — Что за снимки? Крым?

— На, смотри. — Никон протянул Бравику фотографию. — Мы утром брали катамаран, упливали за три километра от берега и там болтались до обеда. Ни купальников тебе, ни плавок. Сливались, блин, с природой абсолютно. С собой виноград брали и шампусик. Стреляли из бутылок — у кого пробка дальше улетит.

— Да, это была сказка. — Милютин мечтательно улыбнулся.

— Вообрази, Бравик: снизу море, сверху небо, и больше ничего. Мы там все время крутили Лайзу Минелли. — Он негромко напел: — If it takes forever I will wait for you...

— Море, небо, красивые женщины... — Бравик поверх очков посмотрел на фотографию. — Да, сказка.

— Ха! — Никон оживился. — Прикинь: психологический этюд, как в Генкиных книжках. Приплыли как-то раз, собираемся на ужин. Мы с Катей в номере, она из душа вышла, причесывается перед зеркалом, обернулась полотенцем, верха нет. Вдруг заходит Вовка, видит Катюху — но это ведь уже в номере, а не на катамаране, прикинь. Страшно смущался: ой, Кать, тысяча извинений...

* * *

Далеко от узкого галечного пляжа и подернутых дымкой желто-зеленых гор еле-еле покачивались два сцепленных катамарана: облупленные баллоны с трафаретом «26», дощатые сиденья, обернутые поролоном, полотенца, холщовая сумка с портретом Демиса Руссоса, резиновая маска, пачки «Ту-134» и «Космос». К одному из сидений был привязан шнурком за никелированную скобу кассетник «Mitsubishi-electric», и Лайза Минелли пела: «If it takes forever I will wait for you, for a thousand summers I will wait for you...» Море было гладким как стекло, со стороны Гурзуфа тянулись редкие облака. Скульптурно мускулистый Никон и худощавый длинноволосый Милютин одновременно скрутили проволочки с бутылок полусладкого «Советского шампанского».

— Пли! — скомандовала Ольга.

Раздались два хлопка, чайки метнулись от катамарана, пробки взлетели и упали в сине-зеленую воду.

— У меня дальше, — сказал Никон и подал жене бутылку.

Катя отпила из горлышка и чихнула от подавшейся вверх пены. Милютин протянул вторую бутылку Ольге. Та полулежала, вытянув роскошные ноги, туалет ее назывался

«милый, на мне только улыбка». Катя тоже была в чем мать родила.

— Вова, изобрази, — лениво сказал Никон. — Слабо два оборота?

— Два не получится, — сказал Гаривас, — низко.

Он встал на скамейку, раскачал катамаран, сильно толкнулся, крутанул четкое переднее сальто и без брызгов скользнул в темно-лазурную гладкую воду.

* * *

— Надо же, какой он тут кудрявый и мятежный, — сказал Бравик. — Прямо сорбоннский студент.

— В девяносто третьем и ты был кудрявый, — сказал Гена. Он хмыкнул и потер лоб. — Девяносто третий... Где мои семнадцать лет?..

— Ну не то чтобы кудрявый... — Бравик прикоснулся к макушке. — Но что-то было, факт.

Никон сел напротив Лободы, за журнальный столик с пепельницей, бутылкой, двумя рюмками, фотографией Гариваса и стаканом, покрытым горбушкой. Лобода разлил, они выпили.

— Что гаишники сказали?

— Ничего н-н-нового. Виновата т-т-та женщина. Она рассказала, как все было. Но если она п-п-потом откажется...

— Лобода поморщился. — Она откажется. Поплачет, п-п-попсихует, потом откажется. Там муж уже вовсю работает: независимая экспертиза, д-д-два адвоката. Доказать б-б-будет невозможно. Т-т-тормозного пути нет, свидетелей нет.

— Как это «нет»? А фура? А «Волга»?

— Тот момент, к-к-когда она скакнула влево, они не видели. Она скажет, что не выезжала на встречку, и п-п-получится, что это несчастный случай.

— А в общем, какая теперь разница...

— Разница есть. Всякие б-б-бывают ситуации. Бывает т-т-такая ситуация, что человека надо наказать.

— Дочку ее тоже наказывать будешь?

— Не п-п-передергивай. К-к-короче, это выглядело так. Он возвращался из Лыткарина, подъезжал к эстакаде. Шел, наверное, километров семьдесят.

Б-б-быстрее он бы там не шел, ему буквально через сто метров надо было на разворот. Я не думаю, что он в том месте п-п-превысил.

* * *

В «пежо», в детском кресле, прикрепленном к заднему сидению, девочка лет трех играла с плюшевым грызуном из «Ледникового периода». Уехавшей впереди «Волги» зажглись «стопы», и женщина за рулем «пежо» притормозила. На противоположном конце эстакады показался темно-синий грязный BMW.

* * *

Лобода разложил на столике две сигаретные пачки, две зажигалки и свой телефон.

— Вот фура. — Он ткнул пальцем в телефон. — Вот «Волга». Вот эта б-б-баба на «пежо». — Лобода пристроил за пачкой «Кента» зажигалку. — А это — В-в-вова, со стороны Лыткарина.

Он двинул к телефону пачку «Мальборо».

* * *

Гаривас щелчком выбросил за приотпущенное стекло окурок и прибавил звук проигрывателя — играла «Penny Lane». Навстречу шла фура «MAN» с липецким номером, за ней «двадцать четвертая» «Волга», потом голубой «пежо».

Гаривас подпевал: «Penny Lane is in my ears and in my eyes...»

* * *

— Фура т-т-тормозит, «Волга» тоже. — Лобода сблизил телефон и «Кент». — Эта овца со страху уходит в-в-влево.

Он сместил влево зажигалку, и она оказалась напротив пачки «Мальборо».

* * *

Девочка уронила грызуна и захныкала. Женщина глядела то вперед, то за кресло, и пыталась нашупать на полу игрушку. Раздался органный звук пневматических тормозов, у фуры заморгал правый поворотник. Пожилой толстяк в «Волге» поставил передачу в нейтраль и притормозил. Женщина быстро заглянула за кресло и наконец подняла

грызуна. А когда она посмотрела на дорогу, то между капотом ее «пежо» и задним бампером «Волги» было метра два, не больше. Женщина умела парковаться и читать знаки, она уверенно ездила на работу и к свекрови в Жуковский. Но когда багажник «Волги» оказался перед ее капотом, женщина, вместо того чтобы дать по тормозам, судорожно закрутила руль влево.

Когда из-за «Волги» на встречную выскочил «пежо», Гаривас успел бросить свою машину вправо и вбил в пол педаль тормоза.

* * *

— П-п-представь: эта мыльница против Вовкиной «семерки». Случись лобовое — у нее бы движок в б-б-багажник улетел. Спас он эту овцу, что там г-г-говорить. — Лобода затянулся. — И д-д-дочку ее спас. Он машину б-б-бросил вправо — а там меняли бордюрный к-к-камень. Небольшой участок, метров п-п-пять или шесть. Там бордюра не было, п-п-понимаешь? Если бы был б-б-бортюр, то он бы п-п-просто размочалил правый бок, и все дела. А так его выкинуло на поручень, он его порвал, как б-б-бумагу.

* * *

BMW ударили в поручень и со скрежетом его разорвал. Машина качнулась, перевалилась и, крышей вниз, рухнула на шоссе. Искривились стойки, брызнули осколки триплекса. Распахнувшись, ударились об асфальт капот и крышка багажника. Задний бампер кеглей закувыркался к разделительному барьерау, на обочину покатился колесный колпак. Было слышно, как в изуродованной машине играет «Penny Lane». Спустя несколько мгновений с шипением загорелся моторный отсек. «Пежо» на эстакаде вернулся в правый ряд и встал.

* * *

— Ты выпей, Никон. — Лобода налил. — Выпей... Т-т-ты прикинь, к-к-каково мне было это слушать. Дэпээнник п-п-попался говорун, все в к-к-красках расписал.

— У него ожоги были очень тяжелые, — глухо сказал Никон.

— Так м-м-моторный отсек же загорелся... Из области ехал м-м-мужик на «газели», б-б-быстро среагировал. Выскочил,

п-п-полил из огнетушителя. Молодец мужик, не забоялся — мог ведь б-б-бак рвануть. Потом еще люди п-п-подбежали, вытащили Вову... — Лобода взял рюмку, подержал в руке, поставил рядом с паспарту и спросил: — Сколько Вова п-п-потом жил?

— Полтора суток. Перелом основания черепа, перелом позвоночника в грудном отделе, разрыв диафрагмы, селезенки, перелом грудины... И ожоги.

— А что ты в больнице д-д-делал? Помогал к-к-как-то?

— Нет. Так, рядом сидел. — Никон махнул рюмку. — Он ведь в сознание приходил, ага.

— Д-д-да ладно? — недоверчиво сказал Лобода. — П-п-правда?

— Два раза. — Никон закурил. — Узнал меня.

* * *

Неподвижное лицо в буро-фиолетовых кровоподтеках над белоснежной воротниковой шиной казалось раскрашенным муляжом. Из рта торчала гофрированная трубка интубатора, у изголовья мерно вздыхал аппарат ИВЛ, от стойки с реополиглюкином шла к подключичке силиконовая система. Из-под простыни тянулись дренажи с раневым отделяемым и мочой. Рядом с функциональной кроватью, полулежа в неудобном кресле, дремал Никон. Он сел, сонно посмотрел на наручные часы, поднял глаза и вздрогнул. Гаривас был в сознании.

— Вова... — Никон привстал. — Вова! Я здесь, слышь! Утром Бравик приедет... Старый, тебе больно? Я щас позову всех... Тебе больно, да? Щас — промедол, блин, омнопон, полегчает... У тебя, конечно, тяжелые дела, врать не буду...

Гаривас два раза медленно опустил веки: мол, понимаю.

— Оперировали тебя, все нормально... Удалили селезенку, диафрагму ушили... Сейчас все стабильно, гемодинамика хорошая, почки функционируют, все обойдется, не бзди...

Он врал, конечно: дела были отвратные. Перелом основания черепа, перелом позвоночника, при спленэктомии было тяжелое кровотечение, едва остановили. Никон выглянул из-за ширмы и громким шепотом сказал сестре:

— Дежурного доктора позовите.

И опять наклонился над Гаривасом.

— Ты давай воюй, блин... Вите Ольга сказала, что ты в командировке. Про машину не думай, хрен с ней, новую купишь...

Гаривас еще раз опустил отекшие багровые веки.

— Ты в пятнадцатой, на Выхино. Тут, оказывается, Игореха Лазарев реанимацией заведует. Кругом наши, блин... Не бзди, умереть не дадим, залечим насмерть.

Гаривас медленно подмигнул Никону и закрыл глаза.

* * *

— Потом еще раз пришел в сознание, часа через два, — сказал Никон. — И опять подмигнул. А в полшестого умер.

Бравик подошел к Ольге, поправил очки и сказал:

— Оль, я хотел бы сохранить для себя его фотоархив.

— Ну конечно, — сказала Ольга. — Все фотографии в его лэптопе, приезжай, скачивай. Дать тебе ключ?

— У меня есть. И вот еще что. Над столом висит рисунок. Ну, ты знаешь — шарж, сангиной, Юля рисовала. Можно я возьму его себе?

— Конечно.

— Может, мы с тобой там встретимся? Скажем, завтра?

— Хорошо.

— Я хотел тебе сказать... Это не слюни, это не потому, что мы сейчас Вовку поминаем. Ты знай: я всегда рядом. И Никон, и Генка. И Лобода.

— Я знаю, Бравик. Я вела себя по-дурацки, когда мы разводились... Навыдумывала бог знает чего.

К ним подошел Милютин.

— Оль, мы с Юлькой поедем. Тебя отвезти?

— А тебе по пути? Я к родителям, на Преображенку.

— Да куда угодно.

Милутины перецеловались со всеми, Сережа прихватил Гену за шею, обнял, сказал, дыша водкой в ухо:

— Увидимся.

Юля обняла Лободу, потом Бравика, Никона, и сказала:

— Памятник будем ставить. Надо, чтоб простой обелиск из черного камня.

— Юльк, разберемся... — Милютин за локоть оттянул жену от Никона. — Еще будет время.

Милутины вышли на лестничную площадку. Марина клюнула Ольгу в щеку, погладила по волосам и сказала:

— Я тебе позвоню завтра, а в выходные подъеду.

Никон спросил Бравика:

— Хочешь его фотки скачать?

— Да. Еще хочу познакомить Ольгу с Ковалевым.

— С кем?

— Юрист. — Бравик сел к журнальному столику. — Опытный юрист.

Никон налил водку, подал рюмку Бравику. Тот понюхал, сделал маленький глоток и поставил рюмку на столик.

— Ему можно доверять. — Бравик взял сигарету. — Дай зажигалку.

Никон поднес огонь, Бравик прикурил и сказал:

— Он прекрасно знает все нюансы.

— Ты про квартиру?

— Да.

— Твой больной?

— Жену его оперировал осенью. Он много лет проработал в прокуратуре, порядочный человек, здравый. Вовка за квартиру до конца не расплатился. Там все может повернуться по-разному. А квартира должна отойти Вите при любых обстоятельствах.

— Разумно, — сказал Никон.

Марина уложила Катю спать в комнате Васена, Гена заварил чай, потом Никон вызвал такси, они с Бравиком спустились к подъезду. Остро пахло тополиными почками, из окна второго этажа неслось: «Ле-е-ето, ах, л-е-ето! Лето звездное, громче пой!..»

— Черт... — Бравик похлопал по карманам. — Вот растира...

— Забыл что-то?

— Футляр от очков.

— Поднимись.

— Ладно, в другой раз.

— Позвони Генке, он вынесет.

Бравик вынул из кармана телефон, нажал кнопку, на дисплее высветилось «контакты». Бравик нажал два раза, поднес телефон к уху. Слышались длинные гудки, ответа не было. Бравик посмотрел на дисплей и сжал губы. Над строчкой *Гена, дом.* была строчка *Гаривас, сот.* Бравик по ошибке набрал Гариваса.

— Не отвечает? — спросил Никон. — Не слышит, наверное. Позвони на городской.

Из-за угла выехал «рено» со светящимся коробом на крыше.

— Потом заберу, — сказал Бравик.

Когда свернули с Балаклавки на Чертановскую, Бравик спросил:

— Никон, а что стало с вещами?

— Вам к Битце потом? — сказал таксист.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.